

**«ПРЕВРАЩЕНИЯ» ГЕРТРУДЫ КОЛЬМАР:
УХОД ИЛИ ПРОТИВОСТОЯНИЕ**

I. Melnikowa
Staatliche Technische Universität Samara

**GERTRUD KOLMARS "VERWANDLUNGEN":
ABWEICHUNG ODER WIDERSTAND**

Im Artikel geht es um die Gertrud Kolmars Dichtung. Im Mittelpunkt ihrer Dichtung steht das Problem der Identifikation, die sich in der Konsumgesellschaft als ein Mechanismus der Unterdrückung besonders scharf erweist. Kolmar untersucht poetisch verschiedene Formen der Identität und konstruiert Ich-der-Andere-Beziehungen.

Целая череда крупных научно-технических и географических открытий, раздвинув пространственно-временные границы, освободила человека конца XIX – начала XX в. и от морально-нравственных «пут» (верность традициям, приверженность обычаям, вера в Бога и др.). Он вдруг оказался перед безграничными возможностями удовлетворения собственных потребностей. Не встречая на своем пути серьезных препятствий, он начинал верить, что существует только он один, и привыкал не обращать на «другого» никакого внимания [5, с. 84–85]. Сложившийся тип сознания, в парадигме которого доминирует безудержное желание потребления, привел к появлению социального феномена – «человека массы» (как его охарактеризовал Г. Ортега-и-Гассет), активно и бездумно включившегося в политическую деятельность.

Наряду с бездуховностью, закрытостью и инертностью сознания человек обнаруживал приверженность шаблонному мышлению, зарождение которого Вальтер Беньямин связывал с развитием машинного производства [3]. «Человек массы» представлял послушный материал для манипулирования.

Одной из форм проявления парадигмальных сдвигов в западноевропейской культуре, взявшей курс на общество потребления, оказался кризис идентичности. Акт отождествления личности с госу-

дарством, нацией, этносом, конфессиональной принадлежностью занял центральную позицию в идеологии и практике национал-социалистов, став для господствующей верхушки механизмом регулирования и подавления, а для обывателя – вопросом жизни и смерти.

Идентификация (термин, введенный З. Фрейдом, распространился широко за пределами психоанализа), являющаяся в социальной психологии важнейшим механизмом социализации, по сути, оказывается актом изоляции, изымания предмета или явления из общего ряда и сопоставления его с другим на основании какого-либо признака. В результате устанавливается их сходство либо различие. Необходимый в познавательной деятельности акт идентификации, используемый в Третьем рейхе как средство регулирования социальных процессов, выполнял функцию подавления одного человека другим.

Осмысление духовной ситуации, сложившейся в Третьем рейхе, стало важнейшей задачей немецкоязычных поэтов разных направлений и нравственно-эстетических воззрений. Особый интерес в этом плане представляет творчество Гертруды Кольмар (Gertrud Käthe Chodziesner) (1894–1943), немецкоязычной поэтессы. Дочь известного адвоката жила в родительском доме в местечке Финкенкруг на окраине Берлина вплоть до своей депортации весной 1943 г. в Освенцим. Из-за сильно развитого чувства еврейского самосознания она никогда всерьез не планировала эмиграцию. Диплом учителя иностранных языков позволял ей время от времени работать воспитательницей. Кольмар вела уединенный образ жизни, была далека от литературной среды Берлина. Ее занимали проблемы сионизма, а также события Великой французской революции. На долю поэтессы выпали тяжелейшие испытания: вынужденная продажа дома (1938), нечеловеческие условия жизни в берлинском гетто, куда переселилась семья, тяжелый труд на военном производстве с 1941 года, депортация восьмидесятилетнего отца в Терезиенштадт [10, S. 220–227]. Серьезным потрясением была смерть не рожденного ребенка, от которого она была вынуждена избавиться по настоянию семьи, чтобы не повредить карьере отца, известного в Берлине адвоката. Переживание своей вины в потере ребенка привело к попытке суицида. Тема неродившегося ребенка заняло в ее творчестве значительное место (цикл стихов “Mein Kind“, стихотворения “Fischkönig“, “Die Verlassene“, “Liebe“, “Die Irre“, а также прозаическое произведение “Die jüdische Mutter“).

Однако ее творчество не ограничивается переживаниями личного характера. Свою трагедию она рассматривает как частный случай процессов, происходящих в обществе. При тоталитаризме все сферы человеческой деятельности, включая интимные отношения мужчины и женщины, поскольку они являются прямой проекцией социальных отношений, господствующих в обществе, регулируются, подвергаются контролю извне. Так, браки арийцев с неарийцами с 1935 г. были запрещены Нюрнбергским законом.

Отношения мужчины и женщины Кольмар поэтически разрабатывает в стихотворении “Die Aztekin” («Женщина-ацтек») [11, S. 96–97]. Мужчина допускает существование женщины лишь как объект удовлетворения его потребностей. Он требует закрыть лицо платком. «Стирая» лицо женщины, он лишает ее национальных, гендерных, личностных свойств. Отождествив ее с предметом, он приобретает право пользования вещью. Презирая женщину, мужчина не отказывается от контакта с ней. Отношение одного к Другому оказывается насилием.

Подобная модель идентификации, воцарившаяся в потребительском обществе, имеет, однако, глубокие корни. Кольмар обращается к персонажу христианской легенды позднего западноевропейского средневековья Агасферу. Согласно легенде, Агасфер оттолкнул Христа, отказав ему в кратком отдыхе и велев идти дальше. За это он сам был обречен безостановочно из века в век скитаться, испытывая презрение людей и не находя себе ни покоя, ни смерти. Определив путь Другому и установив тем самым ему предел, Агасфер сам оказывается в изгнании.

В стихотворении “Ewiger Jude” («Вечный еврей») [11, S. 213–214] механизм идентификации поэтически исследуется с позиции объекта идентифицирования, с которым лирический субъект отождествляет себя. Ее Агасфер оказывается в изоляции из-за нечитаемой древнееврейской надписи на лбу, которую он не может видеть и о существовании которой догадывается по злобным взглядам окружающих. Неспособность прочитать надпись может рассматриваться как разрыв с прошлым, с традициями, как нежелание прислушаться к Другому. Агасферу взгляд Другого ставит клеймо: «пришивает желтый знак на мои лохмотья»¹ (“gelbes Zeichen <...> auf meine Lumpen näht”). «Желтый знак» – знак избранности (и изоляции) –

¹ Перевод здесь и далее наш. – И.М.

обнаруживает власть над человеком, идентифицируя одного как второсортную вещь, как отработанный предмет, другого – как сверхчеловека. Не-еврей устанавливает господство над «недочеловеком». Между тем опредмечиваются оба: как носитель знака, так и тот, кто его устанавливает. Лишенная «внутреннего человека», активность человека массы могла реализовываться только в горизонте объектно-вещного бытия. Утрата «сущностной взаимности с субъектом потребностей» вела к утрате ценностей, поскольку они живы только в «междусубъектных» отношениях [2, с. 103–110].

Самоидентификация лирического Я со средневековым образом не позволяет образу превратиться в абстракцию: «Мои ребра жесткие, почти уже, как мертвые кости» (“meine Rippen hart und faßbar schon wie Totenbein”). Постановка себя на место Другого позволяет понять его чувства и переживания: «Я ощупываю беспомощными руками стены моего возвращения» (“ich tast mit blöden Händen um die Mauern meiner Wiederkehr“). Конкретика физической и душевной боли оживляет исторический персонаж, придает ему общечеловеческий характер. Ситуация изоляции, преследования одного Другим повторяется из века в век. Остановить ее можно, переструктурировав отношения Я – Другой.

Бездумно-безучастное уподобление себя кому-либо (чему-либо), эмоциональное слияние с объектом вело к утрате собственного Я, но освобождало от ответственности. Модель идентификации, распространенная в тоталитарном обществе, оказалась решающим фактором, позволившим вовлечь миллионы людей в безумный проект духовного подавления, а затем физического уничтожения.

Однако самоотжествление личности с другим человеком, группой, образом, символом, включение их в свой внутренний мир и принятие как собственных норм, ценностей и образов – важный этап в осознании себя и своего места в мире. Важно, чтобы субъект не утратил способности критического суждения, переживая свою тождественность с объектом. Смысл идентификации заключается в расширении, обогащении внутреннего опыта.

Идентифицируя себя с еврейским народом (“Die Jüdin” – «Еврейка») [7, S. 196–197], лирический субъект заведомо ставит себя в положение изоляции: “Ich bin fremd” («Я чужая»). Отверженность, предопределенная лирическому Я уже фактом рождения в еврейской семье устанавливается со стороны Другого – не-еврея. Принимая отчуждение, лирический субъект возводит вокруг себя башни: «... я хочу быть

опоясана башнями» (“... will ich mit Türmen gegürtet sein“). Стены, покрытые мхом, «как скала, омываемая тысячелетним потоком», охраняют ее «собственную древнюю страну». Но лирическое Я признает, что «в сундуке, осыпанные пылью, / благородные одежды мертвы» (“Und in Truhen, verschüttet vom Staube, / Liegen die edlen Gewänder tot“). Восполнить себя как родовое существо удастся, лишь прикоснувшись ко всему многообразию общечеловеческого опыта. «И песня назовет меня по имени, которое мне снова подойдет» („Und ein Lied will mit Namen mich heißen, / Die mir wieder gemäß“). В имени, принадлежащем общечеловеческой памяти, Я находит свою идентичность. Возникшая перспектива позволяет лирическому Я взглянуть на ситуацию с многовековой дистанции: «Бог позволяет им [башням] разрушаться / и стоять еще тысячелетия». (“Gott läßt sie verfallen / Und noch Jahrtausende stehn“). «Башни» древней тысячелетней еврейской и общечеловеческой культуры становятся для нее не только заслоном, но и опорой.

Лирическое Я принимает одиночество как predeterminedенную неизбежность и опору. В стихотворении “Die Einsame” («Одинокая») оно для неё как «согревающее платье» (“Sie ist so wie ein wärmendstes Gewand“) [7, S. 201]. В «складки» платья вотканы «скорбь» и «горе, как огромные лебеди с черными шеями» (“trübes Wehn“; “Die großen Schwarzhalsschwäne sind gewirkt / in ihre Falten“). Признавая власть традиций, лирическое Я осознает свою ответственность: «Платье разбухает, и я должна расти» (“das Kleid schwillt nun / Und ich muß wachsen“). Установившиеся отношения взаимовлияния и обмена позволяют Я, изменяясь, сохранить себя.

В понимании отношений Я – Другой Кольмар близка концепции Эммануэля Левинаса (1906–1995), согласно которой признается существование другого человека. Опыт общения возникает не из стремления к познанию или обладанию, а из особого состояния близости одной субъективности другой, наделенной не только сознанием, но и полнотой душевной жизни. Эта модель требует душевной работы от субъекта: перенестись в обстоятельства и пространство другого, чтобы понять его личностные ценности и смыслы.

Подобная стратегия идентификации реализуется в поэтическом принципе Гертруды Кольмар – в превращении лирического Я в образы различных женщин (матери, возлюбленной, еврейки, проститутки и др.). Лирический субъект также легко превращается и в исторический персонаж (Агасфер), и в представителей фауны и флоры. “Ich

hing im Gebälke starr wie eine Fledermaus...“ (“Я висела на балке, застыв, как летучая мышь”) (“Verwandlungen“) [6, S. 279]. “Und frag nicht, ob ich Hase sei, das Eichhorn, eine Maus. Denn dies ist gleich“. («...И не спрашивай, будь я заяц, белка или мышь. / Потому что это безразлично»). (“Das Tier“) [7, s. 198]. “Ich kann dir Hexe sein.“ («Я могу для тебя быть колдуньей») (“Hexe“) [7, S. 200]. Она идентифицирует себя с предметами: “Und bin eine kleine Speise in einem Becher von Nacht“. («И я – немного пищи в чаше ночи»). (“Verwandlungen“) [6, S. 279].

Метаморфозы удаются поэтессе благодаря тому, что она не только проецирует себя вовне, но и вбирает в себя все многообразие мира. Ср.: “Alle Eisenbahnen dampfen in meine Hände, / Alle großen Häfen schaukeln Schiffe für mich...“ («Все железные дороги идут в мои руки, / Все крупные гавани раскачивают на своих водах корабли для меня...»); „In mein leuchtendes Auge zieh ich den Himmel ein“. «В свои светящиеся глаза я втягиваю небо» (“Die Fahrende“) [7, S. 195].

Однако, вбирая в себя, лирическое Я не присваивает себе объект, не узурпирует его, лишая собственных прав. Так, в стихотворении “Die Verlassene“ [7, S. 202–203] Я страдает от неразделенной любви. Она вбирает в себя возлюбленного: “Ich fasse dich mit meinen Augen an... Ich ziehe dich unter dieses Lid / Und schließ es zu und du bist ganz darinnen“. («Я дотрагиваюсь до тебя своими глазами... Я втягиваю (вбираю) тебя под веки / И закрываю их, и теперь ты весь внутри»). Вбирает и отпускает. Покинутая, она переживает боль расставания: „Ich spürte kaum, daß mir der Hafen brach, / Der meine Jugend hielt – und kleine Sonnen, / Daß sie vertropft, in Sand veronnen. / Ich stand und sah dir nach.“ («Я едва ощутила, что разбилась гавань, / где покоилась моя юность – и маленькие солнца, / которыми она истекала, впитывались в песок. / Я стояла и смотрела тебе вслед»). Уход возлюбленного – огромная катастрофа в жизни лирического Я. Однако она стойко переживает утрату. Опыт – горький, но Я его также вбирает в себя и будет «носить его всегда», «как благоухание платья». Опыт делает ее внутренний мир богаче, шире, разнообразнее.

Превращение в стихотворении “Das Tier“ («Зверь») [7, S. 198–199] становится композиционным формообразующим принципом. В первой строфе лирическое Я обращается к Ты, призывая посмот-

реть на ее смерть. При этом Я идентифицирует себя с животным: „Und frag nicht, ob ich Hase sei, das Eichhorn, eine Maus. // Denn dies ist gleich“. («И не спрашивай, заяц ли я, белка или мышь. // Это все равно»). Я представляет здесь весь многообразный звериный род.

Во второй строфе Ты – человек, он издает закон. Выстраивается оппозиция «животное–человек», его деятельность как человека конкретизируется. Издавая закон, Ты «примеряет его к себе, как пальто или шляпу». Глаголы “den Fremdling drückt und kränkt“ («угнетает чужого и оскорбляет») характеризуют его деятельность как агрессивно бездумную. Ты составляет оппозицию Я не только по биологическому признаку, но и по характеру отношения к Другому. Другой – чужой и враг, претендующий на его территорию как источник удовлетворения потребностей.

В третьей строфе возникает новая оппозиция внутри человеческого рода. Ты противопоставлен «людям», которых он «рвет на куски», затем «тихо лежит у их могил». Так Ты превращается в зверя. Повадки дикого животного выдают в Ты звериное начало, которое принимает крайние формы жестокости и абсурда. Он «тащит кожу убитой матери и набрасывает ее на своего ребенка», «дарит игрушку, которая происходит от кровоточащего лба замученного». Оппозиция возникает по социальной роли, в которой Ты выступает как зверь, что, кажется, сближает с Я. Однако это – только внешний рисунок поведения животного.

Появление в четвертой строфе местоимений множественного числа (Я → Мы, Ты → Вы) усиливает противостояние, делая его вселенским. Мы (Я) – «скот и звери при жизни», когда же мы умираем, становимся «добычей, мясом, жратвой». “Wenn wir verreckten, / sind wir Aas...” «Когда мы издыхаем, / мы – падаль». В следующей строке обнаруживается, что Вы (Ты) способны скорбеть: “Ihr aber klagt den Gram...” У читателя вспыхивает искорка надежды, что не все потеряно, которая тут же гаснет. «Человеческие» чувства вызваны совсем нечеловеческими мотивами. Вы оплакивают то, что «не могут больше убивать нас». Ужасная метаморфоза, произошедшая с Ты – человеком, не поддается никакой логике. В животном мире подобные превращения также неизвестны.

В следующей строфе дается ответ, почему происходят превращения: «человеческий Бог не любит больше бога зверей». Бог «искоренил подрастающее поколение» Я, «заковал в камень его источник». Это можно рассматривать как проекцию духовной ситуации,

сложившейся на рубеже веков и обострившейся в первой половине XX века: «смерть Бога». В последней строфе снова актуализуется оппозиция Я – Ты, поддерживаемая их перановесностью. Ты имеет надежду, гордость, награду (плату) за страдания. Я – лишь тысячекратное терпение (“Ich aber dulde tausendfach“) и оболочку, которая защищает Я от внешнего мира: «рубашку из перьев» и «платье из чешуи» (“Federhemd“, “Schuppenkleid“).

В завершающей строке противостояние снимается. Я превращается в коврик, на котором Ты, если плачет, преклоняет свое горе. Отношения Я и Ты гармонизируются, обнаруживается точка соприкосновения и не только в физическом значении. Это – способность и готовность переживать боль, сопереживать Другому. Так, зверь, с которым идентифицирует себя Я, являясь им по биологическому происхождению, пробуждает человеческое в человеке, оказывающемся зверем по своей социальной роли.

Соблюдение баланса в отношениях Я и Другой позволяет Я сохранить свою ценность, богатый внутренний мир, свободу, не нарушая права Другого на выбор, на его идентичность. Поэтому, идентифицируя себя с жабой, лирическое Я не теряет уникальности, напротив, утверждает ее ценность. “Ich bin die Kröte / Und trage den Edelstein...” («Я жаба / и ношу в себе драгоценный камень») [6, S. 285–286].

Мечта лирического субъекта: „Irgendwann wird es Zeit, ... Nichts als Sand in den Schuhen Kommender zu sein“. («Быть ничем иным как песчинкой в башмаках грядущих») (“Die Fahrende“) [7, S. 195] не является самоуничижением. Образ песка – мельчайшей частицы, подвижной, всюду проникающей, прочно связан с образом времени. Песчинка есть всегда, как и время. Она – вечна. Оказаться песчинкой «в башмаках грядущих», значит, преодолеть свое время и пространство, заглянуть в завтра.

Превращение – важная тема в поэзии Г. Кольмар, которую она поэтически разрабатывает в морально-нравственном аспекте. Как одна из форм идентификации, превращение может привести к полной утрате собственного Я, что и является целью в тоталитарном государстве. В противовес идентичности, претендующей на абсолютное право владения единственной истиной, Г. Кольмар создает гуманистическую модель идентификации, реализующуюся не в насилии и поглощении Другого. Помнить о Другом, но не сливаться с ним, признавать его независимость и своеобразие, но не превосход-

ство. В ее мире, в котором отношения Я и Другого основаны на диалоге, на субъект-субъектных отношениях, появляется надежда на возможность иных решений, иных сценариев развития событий. В условиях жестокого тоталитаризма, когда рядом шли страх, смерть, эпидемии и голод, ее поэзия звучала как восстание против насилия и угнетения человека человеком.

Библиографический список

1. Андreyошкина Т.Н. «Поэзия и правда». Немецкоязычная женская поэзия: сборник эссе. Тольятти: Изд-во ТолГУ, 2012. 404 с.
2. Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. СПб.: РХГИ, 1997. 463 с.
3. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М.: Медиум, 1996.
4. Мельникова И.М. Образы изоляции в немецкоязычной поэзии: лирика Г. Кольмар // Научное обозрение: Гуманитарные исследования. 2013. № 2. С. 58 – 65.
5. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. М.: Радуга, 1991. 638 с.
6. Bobrowski J. Meine liebsten Gedichte. Eine Auswahl deutscher Lyrik von M. Luther bis Chr. Meckel / Hrsg. von E. Haufe. Berlin: Union, 1985. 432 S.
7. Gedichte berühmter Frauen. Von H. von Bingen bis I. Bachman / Hrsg. von E. Borchers. Frankfurt am Main: Insel, 1996. 311 S.
8. Erdle B.-R. Verbotene Bilder. Zur Interpretation des Exils bei G. Kolmar // Deutsch-jüdische Exil- und Emigrationsliteratur im 20. Jahrhundert / Hrsg. von J. Shedletzky und H. O. Horch. Tübingen: Niemeyer, 1993. S. 121–137.
9. Gertrud Kolmar (1894–1943) // Deutsche Dichterinnen vom 16. Jht. bis zur Gegenwart / Hrsg. von G. Brinker-Gabler. Frankfurt am Main: Fischer, 1978. S. 320–321.
10. Gargano A. Gertrud Kolmar (1894–1943) // Deutschsprachige Lyriker des 20. Jahrhunderts / Hrsg. von U. Heukenkamp und P. Geist. Berlin, 2007. S. 220–227.
11. Kolmar Gertrud. Frühe Gedichte (1917–1922). Wort der Stummen. (1933). München, 1980. S. 330.